

И. Л. МАНЬКОВА
(г. Екатеринбург)

ИСТОРИЯ УРАЛО-СИБИРСКИХ МОНАСТЫРЕЙ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ

К истории урало-сибирских монастырей исследователи обращались и обращаются довольно активно. Для дореволюционной историографии было характерно создание работ, посвященных отдельным обителям. В поле зрения церковных историков были крупные и влиятельные, ставшие местами массового паломничества, монастыри, такие как Тобольский Знаменский, Верхотурский Николаевский, Далматовский Успенский и др. В это же время выходили работы более общего плана, посвященные истории Урало-Сибирского региона в целом. В этих трудах представители различных направлений общественной мысли в той или иной степени касались истории церкви. Характеристика сочинений Н. Н. Фирсова, П. Н. Буцинского, Д. Н. Беликова, П. А. Словцова, А. А. Дмитриева и В. И. Семевского получила отражение в обширной современной историографии.

В советское время внимание историков в основном было сосредоточено на изучение социально-экономического развития духовных корпораций, монастырского землевладения. Одним из первых в этот период обратился к изучению уральских монастырей А. А. Савич. В специальной статье им была рассмотрена история монастырской колонизации и хозяйства на Урале в XVI-XVII вв. В. С. Бахрушин, анализируя в целом колонизационный процесс в Сибири, отметил «очень крупную роль церкви», обратил внимание на активную деятельность духовных корпораций по сосредоточению в своих руках земельных владений. Совершенно на новый уровень поднял рассмотрение вопросов о монастырском землевладении В. И. Шунков. Он пришел к выводу, что монастырские вотчины были одним из трех типов феодального землевладения в Сибири XVII в. Они складывались теми же путями, что и в Европейской России. В. И. Шунков также обратил внимание на удельный вес и место монастырских хозяйств в системе земледелия Сибири. В 1983 г. появилось специальное исследование Л. П. Шорохова «Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII-XVIII вв.

В исторической литературе давно уже сложилась единая оценка правительственной политики в отношении монастырских владений. Она представляется как сдерживающая стяжательские устремления духовенства, ограничивающая рост монастырского землевладения. Вместе с тем, В. А. Обориным было сделано существенное наблюдение, что роль правительства по отношению к монастырской колонизации была регулирующей. Л. П. Шорохов пришел к важному выводу о том, что рост церковных владений в урало-сибирском регионе продолжался в течение всего XVII - первой половине XVIII вв., несмотря на запрещающие указы правительства. Эта мысль была развита в работах автора этих строк. На наш взгляд, в целом государственная политика в

отношении монастырского землевладения была довольно гибкой и прагматичной. Правительство активно использовало духовные корпорации для хозяйственного освоения новых районов. Большое внимание в трудах историков последних десятилетий было уделено изучению зависимого населения монастырских вотчин, особенно крестьянства. Эти проблемы нашли отражение в работах В. И. Шункова, А. А. Кондрашенкова, М. М. Громыко, Л. П. Шорохова, в коллективной монографии «Крестьянство в Сибири в эпоху феодализма» и др. Были выявлены категории монастырского населения, изучались процессы заселения монастырских земель крестьянами, общая динамика их численности, хозяйственно-правовое положение, владельческие повинности и классовая борьба.

До сих пор остается дискуссионным вопрос о степени закрепощения крестьян в духовных вотчинах Урала и Сибири. Ряд исследователей склонны максимально сближать правовой и хозяйственный режим монастырских вотчин урало-сибирского и центрального районов (В. И. Шунков, Н. В. Горбань, А. А. Кондрашенков, Я. Е. Водарский и Н. Ф. Емельянов). Н. А. Миненко обратила внимание на необходимость дифференцированного подхода к изучению монастырской деревни XVII - начала XVIII вв. и последующего периода. А. А. Преображенский показал, что урало-сибирские монастыри в XVII - начале XVIII в. были вынуждены приспосабливаться к местным особенностям и смягчить феодально-крепостнический режим. С этой точки зрения согласны Л. П. Шорохов и автор этих строк. В XVII - начале XVIII вв. процесс формирования феодальных отношений в монастырских вотчинах Урала и Сибири еще не был завершен и обусловил своеобразие социальных отношений, которые можно характеризовать как социальный симбиоз. Поэтому население вотчин имело довольно сложную структуру и сохранялась высокая степень сменяемости крестьянства. Лишь к рубежу 10-20 гг. XVIII в. устанавливаются нормы крепостной зависимости. Вопросы хозяйственной деятельности духовных корпораций также освещались в работах отмеченных выше исследователей.

Проблемам организационной деятельности монастырской администрации, управления монастырями церковными и государственными органами в XVIII в. посвящены исследования М. Ю. Нечаевой. На основе изучения огромного комплекса документов монастырского делопроизводства ею были рассмотрены структура и функции должностных лиц монастырской администрации, принципы ее формирования, обобщены данные о соотношении внутривотчинного и внешнеинстанционного управления, степени новаторства и традиционности управленческих решений, степени участия светских и церковных органов в регуляции различных видов деятельности монастырей.

Утверждение абсолютизма в России привело в конечном итоге к превращению церкви в составную часть государственного аппарата и цитадели крупных сибирских монастырей оказались включенными в систему царской тюрьмы. Они широко использовались как места ссылки и заточения. Этой про-

блеме посвящены статьи Г. Плотникова, Д. Смышляева, Л. П. Шорохова и И. Л. Маньковой.

Феномен провинциального монашества XVIII - начала XX вв. стал предметом последних трудов М. Ю. Нечаевой. Рассмотрев нормы и практику принятия пострига, она пришла к выводу, что постоянное отступление от многих ограничительных условий вступления в монашество в XVIII в. было стихийно выработанным способом существования обителей в условиях податного режима и крепостной зависимости большинства населения России. В настоящее время ею активно изучается социальный состав, уровень грамотности и образ жизни монахов и монахинь.

Общеизвестно, что русские монастыри играли значительную роль в культурной жизни общества. Вместе с тем, участие урало-сибирских монастырей в этом процессе, на наш взгляд, недостаточно изучено. В связи с деятельностью археографических центров Екатеринбург и Новосибирск в основном внимание исследователей было сосредоточено на изучении монастырских библиотек XVII - XIX вв. В работах И. А. Гузнер, А. Т. Шашкова, Н. А. Мудровой, А. Г. Мосина и И. Л. Маньковой проанализированы состав, пути формирования и судьбы книжно-рукописных собраний ряда монастырей, ведется поиск сохранившихся книг. Сохранившиеся монастырские архитектурные ансамбли привлекают внимание историков архитектуры.

Однако участие монастырского духовенства в просвещении населения, деятельность школ и училищ при монастырях остаются малоизученными. Практически отсутствуют современные труды, специально посвященные данной проблематике. "Белым пятном" в исследованиях остается и развитие прикладного искусства в монастырях. Очевидно, это связано со скудностью источниковой базы.

Изменение политической ситуации в стране привело к переоценке ценностей нашего общества. Церкви возвращаются храмы, открываются монастыри. Резко вырос интерес к ее истории. Вместе с тем, существует опасность, что на смену негативного отношения к церкви, которое насаждалось властью в советское время, придет идеализация ее прошлого и настоящего. Поэтому представляется весьма важным обращение к этим проблемам профессиональных историков с объективных позиций, без идеологических стереотипов на основе документальных материалов.

* * *

С. В. ТУРОВ
(г. Тюмень)

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ ТЮМЕНСКОГО СВЯТО- ТРОИЦКОГО МОНАСТЫРЯ В XVIII В.

При Петре I фактически была проведена секуляризация монастырских вотчин. К началу XVIII в. на землях Троицкого монастыря трудилось 516 крестьян. По числу зависимых тружеников он был на 7-м месте среди 30-ти монастырей Сибири. (М. М. Про-

мыко. 1962). Однако уже в 1712 г. сибирский губернатор князь Гагарин всех крестьян - 57 дворов (191 д. м. п. и 196 д. ж. п.) вместе с землями и мельницами "отписал на великого государя", а половину из этих крестьян перевел в г. Омск. Тогда же монастырю было определено жалование - 200 руб.; 100 четв. хлеба и 50 пуд. соли в год. Однако жалование поступало только до 1719 г., а с 1720 по 1722 гг. монастырь не получал из казны ничего. В августе 1722 г. терпение монахов лопнуло и архимандрит Геннадий подал прошение в Сенат, где, описав все несчастья, обрушившиеся на монастырскую братию, просил возобновить выплату "оклада" "с выдачей за прошлые годы", а также просил дополнительно сумму на приобретение одежды(!), чтобы им в конец не разориться и не разбредиться". Вскоре выяснилось, что в Сенате нет сведений как об изъятии имущества монастыря, так и о назначении ему казенного жалования. Вопрос о выделении жалования все же был решен в Сенате положительно и в 1722 г. губернская канцелярия возобновила выдачу оклада. Причем, "оклады выправили" согласно нормам, определенным указом от 1703 г. Оказалось, что эти нормы значительно ниже тех, которые установил в свое время губернатор Гагарин. (ГАТО. Ф. 47, Д. 4764, Л. 1-6).

В 40-50-х гг. XVIII в. при набожной императрице Елизавете Петровне церкви удалось на время вернуть себе вотчины и крестьян. Поправил свое имущественное положение и Тюменский Троицкий монастырь.

В 1762 г. Петр III предпринял очередную попытку секуляризации церковных имуществ, а в феврале 1764 г. последовал манифест Екатерины II, окончательно и бесповоротно экспроприировавший церковь. Прекрасно понимая, к чему идет дело, монастырская администрация по своему готовилась к секуляризации. В 1763 г. архимандрит Троицкого монастыря попытался заручиться "добровольным согласием" крестьян остаться в зависимости от монастыря. Так, староста д. Щучей, Семен Киприянов, дал подписку от лица всех крестьян деревни в том, что "... желательны окладные рублевые деньги платить и судом их высокопреподобия отца архимандрита довольны...". Аналогичную подписку дали крестьяне д. Борковой, где у монастыря был "дворец". (ГАТО. Ф. 47, Д. 4775, Л. 12-13).

По указам от 16 февраля и 21 марта 1764 г. бывшим монастырским крестьянам оставлялись те земли и угодья, которыми они пользовались до секуляризации. Кроме того, они наделялись землей и угодьями дополнительно, если их прежние наделы не отвечали нормам, установленным для государственного крестьянства. Так, бывшие крестьяне Троицкого монастыря д. Балдинской (15 д. м. п.) получили покосы на 4 тыс. копен "вниз по Чаплыку до Пышмы", а также "вниз по реке до Балды реки". По поводу же прошения крестьянина Черкалова "с товарищи" о выделении покосов, в Тюменской воеводской канцелярии было решено дать по 6 дес. покосов на душу, если крестьяне окрестных деревень покажут, что просители и до секуляризации "ставили сено про себя" в этих местах.

После секуляризации 1764 г. Тюменский Троиц-